

То, что большинство литераторов сейчас пребывает в состоянии расслабленности и уныния, мне было понятно, как дважды два. А встречающиеся порой редкие исключения лишь подтверждают это печальное правило. Но Аркадий Арканов смешал все мои представления о действительности и даже заставил усомниться в законе сохранения энергии. Я начал договариваться с ним о встрече еще в начале апреля, и вскоре эти переговоры стали моей ежедневной привычкой. Растаял снег, затем распустились листочки, потом и лето наступило, но Арканов был перманентно занят множеством неотложных дел... Но все-таки я его настиг. Произошло это в Киноцентре на Красной Пресне.

Аркадий АРКАНОВ:

"У меня есть своя версия истории советской власти"

— Аркадий Михайлович, если не секрет, чем вы занимаетесь в таком неожиданном для писателя месте?

— Участвую в подготовке новой телепередачи с условным названием «Русский меценат». Ее цель — способствовать возрождению тех прекрасных традиций, которые в России назывались словом «меценатство». К сожалению, это понятие сегодня практически утратило свой смысл. А время, в котором мы живем, чрезвычайно тяжелое. И у меня нет никаких сомнений в том, что если нынешняя неразбериха будет продолжаться хотя бы в течение жизни одного поколения, то и культура, и наука, и образование — все это может прийти к катастрофическому упадку и необратимо скажется на духовном здоровье нации.

— А куда смотрит правительство?

— Сегодняшнее правительство, может быть, и хочет оказывать необходимую материальную поддержку культуре и науке, но не очень-то может, полагаясь на самотек. Хорошо еще, что есть спонсоры. Но спонсор — это не меценат, это человек, который, вкладывая средства, хочет потом вернуть их с процентами.

Однако у нас уже появились предприниматели, обладающие достаточно большими средствами, которые в состоянии отдать без особого для себя ущерба часть из них на благие дела. И мы хотим раскатать их на такое подвигничество. Надеюсь, многие богатые молодые люди поймут, что они могут остаться в истории не только как владельцы шикарных «мерседесов», но и как люди, которые спасли и сохранили то, что могло быть разрушено.

— Будет ли создан какой-нибудь меценатский фонд?

— Нет, никакого фонда не будет. Каждая телепередача «Русский меценат» должна заканчиваться конкретной помощью нуждающемуся талантливому человеку — художнику, писателю или изобретателю.

— А не будет ли телезрителю скучновато наблюдать за всеми этими деловыми переговорами?

— Не думаю. В передачу будут привнесены элементы занимательности и познавательности. Мы будем приглашать известных в мире искусства людей, которые когда-то смогли реализовать себя благодаря чьей-то финансовой помощи.

— Когда начнет выходить эта передача?

— Первая передача должна сниматься 29 июня, а выйдет в эфир где-нибудь в июле на первом канале.

— Надеюсь, все это не очень отвлекает вас от писательских дел. Что у вас издано за последнее время и что написано?

— У меня вышла большая и, с моей точки зрения, хорошая книга избранного, которая называется «Всё». И многие спрашивают: «Что, это действительно все?» Однако это и не все, что мной написано, и не все в смысле завершения писательского процесса.

В прошлом году я написал, можно сказать, исторический труд — «Историю советской власти». Получилось некое подобие учебника, который охватывает период от рождения Ленина до сегодняшних дней. Книгу издали в США на русском языке. По-видимому, она будет издана и у нас.

— И какие же главы в вашем учебнике?

— Я брал основные вехи и каждой вехе посвящал отдельную главу. Их получилось 25: создание партии, революция 1905 года, февральская и октябрьская, дискуссия Плеханова с Лениным, гражданская война, коллективизация, Ленин, Сталин, Троцкий, Хрущев, кукуруза—целина, Брежнев, Горбачев, Ельцин и т. д. Соблюдены все исторические даты. Если идет речь о каком-то съезде, то дана его программа. Если была какая-либо дискуссия, то она абсолютно точна. Но все это сделано, как вы понимаете, в иронической, «отвязанной» форме.

— Есть ли у вас какие-то неожиданные версии происшедших событий, доселе не известные науке?

— Да, у меня есть кое-какие свои версии образования РСДРП, экспроприации, социалистического реализма, деятельности Горбачева, некоторых событий гражданской войны... Насколько они правомерны — это, как говорится, решать потомкам.

— По-видимому, эту книгу можно назвать историей болезни. Вы ведь в прошлом врач?

— Да, по образованию я врач. В 57-м окончил 1-й Московский медицинский институт и три года работал участковым врачом.

— Помог ли вам этот опыт как писателю?

— Помог невероятно — и в литературе, и в жизни. С моей точки зрения, творческому

человеку необходимо знать и физиологию человека, и биохимию, и патофизиологию, и высшую нервную деятельность. Когда-то у меня даже была наивная идея: вместо каких-то ненужных предметов, которыми загружают студентов Литинститута, ввести преподавание анатомии и физиологии человека. Это дает очень точное понимание того, о чем и о ком ты пишешь.

— А как вам помогает медицинский опыт в жизни?

— Например, как врач я могу понять, почему вдруг на меня закричал человек. Это позволяет в нужный момент сдержаться и не ответить ему той же грубостью. И вместо того, чтобы озлобиться, ты начинаешь сочувствовать человеку, оказавшемуся в такой ситуации. В конце концов все люди делятся на больных и здоровых. Просто мы не знаем, кто по-настоящему болен, а кто здоров. Это знание дает медицина.

— Не приходилось ли вам в последние годы оказывать кому-нибудь медицинскую помощь?

— Дело в том, что практические навыки я уже давно утратил. Поэтому не возьму на себя функцию активной помощи человеку в какой-то ответственный момент. Но, к счастью, я учился у выдающихся медиков, я их еще застал. И они заложили во мне главное — умение самостоятельно мыслить и разбираться в течении патологического процесса. Я могу не знать, как конкретно сегодня можно вылечить ту или иную болезнь. Но я могу подсказать человеку обратиться именно к тому специалисту и обратить его внимание именно на ту причину, о которой многие, в том числе и обслуживающий его врач, даже не подозревают. И иногда я это делаю, что могут подтвердить многие мои друзья.

— Могли бы вы поставить диагноз сегодняшнему читателю?

— Его состояние вызывает у меня очень серьезные опасения. Если нынешняя ситуация в стране продлится еще несколько лет, то вполне возможен летальный исход. Сейчас он в огромных количествах поглощает прежде закрытую для него литературу — всевозможные справочники, детективы, мистику, книги о парапсихологии, о сексе, об экзотических видах лечения и рукопашной борьбе... А художественная литература мало кого интересует. В связи с этим не интересуется она и издателя. Трудно найти предпринимателя, который взялся бы издать книгу талантливого автора, прекрасно понимая, что вложенных денег ему не вернуть. Но мне хочется верить, что у нас в конце концов появятся обладающие большим вкусом и знанием литературы меценаты.

— Я с содроганием вспоминаю восторженных и вскормленных, как тогда выражались, гласностью арбатских поэтов, которые строили свои обличительные стихи на рифмах: «Ильич—Кузьмич» и «Горбачев—через плечо». А что происходит с жанром сатиры сейчас?

— Сейчас продолжается то же самое. Масса неталантливых людей, пришедших на волне гласности, зачастую малограмотных, не фильтруя материал, не работая над формой, выплескивает нынешнюю злобу дня в печать, на телевидение, на эстраду. При этом они вынуждены с каждым днем изощряться все больше и больше, поскольку им приходится конкурировать с публицистикой, информационными передачами, трансляциями заседаний Верховного Совета. Но они способны перешибить все это не при помощи каких-то эстетических находок, а за счет жестких шоковых ударов. Если депутат с телеэкрана говорит грубое слово в адрес президента, спикера или своего коллеги, то такой «сатирик-юморист» должен употребить нецензурное. Вот и вся технология. Но самое печальное при этом то, что действительно талантливые люди при этом заталпываются.

— Вы считаете, что существующая в стране ситуация губительна для культуры. Означает ли это, что интеллигент должен активно заниматься политикой?

— Интеллигент должен активно заниматься своим делом, так же, как пекарь должен печь хлеб, а сапожник — тачать сапоги. По моему глубокому убеждению, мы уже вступили в такую фазу развития, когда возврат к прошлому уже невозможен. Даже если к власти придет консервативный парламент, то он все равно будет продолжать политику нынешнего правительства, т. е. будет развивать частную собственность. Может быть, несколько изменятся методы. Но суть останется. А люди, которые хотели бы вернуть все назад, как бы они ни кричали и ни били стекла, никаких шансов на успех уже не имеют.